

Очередной розыгрыш Никиты Богословского:

он всех уверяет, что 22 мая ему исполнилось 80 лет

- Никита Владимирович, вам действительно исполнилось 80 лет?
- О чем это вы?! Вы что, шуток не понимаете?
- Ну и хорошо. А все-таки чем вы занимались до 1917 года?
- Был внучком камергера двора Его Императорского Величества Михаила Федоровича Поземковского. Дед славился при дворе своими шутками, говоря нынешним языком, хохмач был.
- Камергер-хохмач?! Так это у вас от дедушки? А кому вы обязаны музыкальными склонностями?

- Мама была талантливым пианисткой. А ее родной брат был тенором-премьером в Мариинском театре, а потом в Париже.

- Так, значит, вас на музыкальную стезю вывели родители?

- Точнее, бабушка. На родителей-то как раз произвела огромное впечатление загадочная записка в моем школьном аттестате: «Склонности к градостроительству и химии». С ума сойти! Химию я люто ненавидел. Ну а насчет «градостроительства», так это уж просто мистика какая-то. Спасибо, бабушка настояла, и меня отдали в музыкальную школу.

Меня очень рано записали за рояль. Но, видя, как я ненавижу этот инструмент, смирились и разрешили мне на рояле вообще не играть. Я тут же, естественно, немедленно проникся к нему любовью и уже в 8 лет стал писать какие-то дикие импровизации. Смешно сказать, но они почему-то произвели некоторое впечатление на выдающегося композитора Александра Константиновича Глазунова.

Он в моей жизни чуть не сыграл роковую роль. Где-то в 70-е годы я, последний ученик Глазунова, должен был сопровождать в самолете прах Александра Константиновича из Парижа в Ленинград для перезахоронения на Родине. Но задержался в Париже по уважительным причинам. Самолет этот под Ленинградом разбился.

- С кем еще вы общались в незапамятные времена?

- С царем.

- Естественно, с кем же еще вам и общаться-то было?

- А вот нянька моя Марфушка была доверчивей, чем вы. Она выглянула в окно и сказала: «Смотри, Никита, царь едет». Царь был шикарный: огромный, усатый, на белом коне, а на голове сияющая каска с плюмажем.

- А вокруг охрана на мотоциклах.

- Нет, ни охраны, ни мотоциклов тогда еще не было. Но впечатление на меня царь произвел огромное... Правда, потом оказалось, что это был не царь, а командир кавалергардского полка. Но все равно есть что вспомнить.

- Вы ведь были знакомы не только с царем, но даже и с Леонидом Осиповичем Утесовым?

- Мы познакомились с ним на дне рождения его дочери Диты Утесовой. Я даже тогда написал и подарил ей вальс «Дита». Там еще были дядя Володя Маяковский, дядя Миша Зощенко. Они на нас не произвели впечатления. А вот дядя Володя Горовиц оказался хорош тем, что мы катались на нем верхом. Но в полном восторге мы были от папы моей подружки Диты. Он, правда, уже старый был - лет под двадцать пять. Но зато показывал нам замечательные фокусы и умел стоять на голове. Согласитесь, не каждый папа умеет стоять на голове. То есть в Утесова я влюбился сразу.

Когда мне было уже лет четырнадцать, я написал сочинение «Дядя Оболей» про дворника, поливающего двор. И оркестр дяди Леи его исполнял. Недавно вышла пластинка: на одной ее стороне мои песни исполняет Лемешев, на другой - Утесов.

Я думаю, что популярностью моих песен я обязан Леониду Осиповичу Утесову не меньше, чем себе.

- А Марку Бернесу?

- Ну уж Бернесу-то, конечно! Мы с Марком сдружились еще в 1939 году на кинофильме «Истребители». Помните «В далекий край товарищ улетае»? Ах, какой он там был красивый!

Мы с Марком настолько срослись, что придумали некий свой «язык», который никто, кроме нас, не понимал, а мы покатывались от хохота. Впрочем, мы не упускали случая и друг над другом показываться от хохота. Однажды я весьма опасно «покатился».

Как-то я прилетел в Киев и прямо от портье в гостинице позвонил Марку в его шикарный номер женским голосом: «Марик, кошечка моя, скорей раздевайся, я к тебе уже поднимаюсь!» Марк прореагировал как-то странно.

Оказалось, что это был не Марк. Он уже съехал, и в этом номере поселился руководитель КГБ товарищ Серов... Когда-то потом я на каком-то приеме напомнил об этом случае товарищу Серову. Тот захохотал и сказал: «А я вас тогда так ждал!» Слава Богу, не дождался.

Марк обожал розыгрыши и знал в этом деле толк. У нас с ним в номере гостиницы каждый день после кино-съемок собиралась компания. И вела себя, скажем так, шумновато. А рядом жили два бухгалтера из Винницы, они приехали в Киев встану, отчет. Бухгалтеры сту-чали на дверь, слышали справедли-во жаловались на нас. Надо сказать, на-доели не только мы им, но и они нам.

Как-то в полночь Марк позвонил им в номер и представился администратором гостиницы: «У меня к вам просьба как к членам партии. Приехали иностранцы, и ваш номер на одну ночь нужен для них. Возьмите вещи и переночуйте внизу, в

Красном зале. Вам там уже постелено».

И вот среди ночи они заявляются в пижамах, с чемоданами в торжественный Красный зал. А там сидит вся местная киевская знать и банкетным образом чествуется заезжую знаменитость. Эффект был неописуемый! Как вам проделки этого сорванца Бернеса?

- Ну вы в этом деле тоже замечены.

- Не без того! Но я разыгрываю обычно исключительно друзей. И чем больше люблю, тем больше разыгрываю.

Я обожаю Оскара Фельцмана. И как человека, и как композитора. Разыгрывать это доверчивое существо было просто трогательным занятием. Я ему как-то задолжал сто рублей. И посылал по почте каждый день по рублю. Оскар воспринимал это покорно и как должное.

Один раз я взял пишущую машинку с иностранным шрифтом и, тыкая пальцами в первые попавшиеся буквы, отстукал «письмо». Понятным в нем было только несколько раз повторяющееся выражение «10 000 долларов». Послал его в зарубежном конверте на имя Оскара в иностранную комиссию Союзов композиторов. Фельцмана вызвали и сказали, что этого языка в комиссии никто не знает. Возбужденный Оскар кинулся ко всевозможным переводчи-

кам. Но, естественно, безуспешно.

То есть «10 000 долларов» уплывали от Оскара самым возмутительным образом. Причем он об этом рассказывал каждому встречному. Я его понимаю, я бы тоже на его месте расстроился. Я прекратил его муки, во всем сознавшись... Мой милый, трогательный Оскар хохотал так залиvis-то, словно это он меня разыграл, а не я его.

- А самый значительный человек в вашей жизни?

- Михаил Михайлович Зощенко. Вот его разыгрывать мне и в голову не приходило. Это был очень серьезный, очень глубокий человек. Посмотрите, это его дарственная надпись на книге: «О, мои грустные опыты! И зачем я захотел все знать? Вот теперь я не умру так спокойно, как надеялся».

Видимо, он меня любил. Когда я заболел, он каждый день сидел возле меня в больничной палате. Он был молчаливый человек. А я в его присутствии становился очень многословным. Наверное, хотел тоже за умного сойти.

Году, кажется, в 53-м мы с ним застряли минут на сорок в лифте. И он вдруг стал мне рассказывать о своей горестной жизни. Какого великого человека замучили!

- Никита Владимирович, вы знали столько знаменитых людей. Даже почти что с царем виделись. А со Сталиным приходилось общаться?

- Приходилось. Но через постановление ЦК ВКП(б) о кинофильме «Большая жизнь». Жданов предложил на политбюро признать мои песни в этом фильме «вертинщиной». Но Сталин не согласился: «Вертинского мы только что пустили обратно на родину. Не надо обижать старика». И предложил формулировку: «Песни, проникнутые кабацкой меланхолией и чуждые советским людям». Как вы понимаете, эта формулировка была утверждена. Речь шла о совершенно чуждых советским людям песнях «Спят курганы темные» и «Три года ты мне снилась».

- Крепите ли вы дружбу с народами мира?

- Креплю. Франсис Лемарк, Жан Маре, Ив Монтан, Жаклин Франсуа, Жак Брель - все очень близкие мне люди. На великое горе, кого-то из них уже нет. А Лемарк и Филипп-Жерар - даже мои соавторы по многим совместным сочинениям.

- Вы, как я понимаю, по натуре человек общительный.

- Я в свое время зачем-то скопил целую коллекцию визитных карточек - результате знакомств и деловых встреч. В какой-то момент не поленился, подсчитал - 1112 штук.

- Вы войдете в историю как автор советских песен. Я это не в порядке упрека или поощрения говорю. Но что такое советская песня?

- Знаете, нигде в мире к жанру искусства или к деятелю искусства не приспосабливают название государственного устройства. Ну не говорят же в Англии - песни монархических композиторов. Или - замечательный капиталистический композитор Бриттен. Все-таки, согласитесь, нам присущи некоторые странности.

- Как пишется вам сейчас?

- Сочиняю музыку исключительно для собственного удовольствия. Исполнителей песен почти не осталось, а к симфонической музыке у нас не очень склонны. Меня сейчас больше исполняют за рубежом. Недавно в Шанхае была исполнена моя 4-я симфония.

Увлёкся литературным творчеством. Изданы два моих романа. Пишу мемуары «Что было и чего не было».

- А чего не было?

- А того, чего не было.

- Что надо делать, чтобы почти 80 лет подряд писать песни?

- Ничего не надо делать. Просто жить и писать песни. Правда, чтобы жить, нужно немножко иронии. Могу открыть вам мой секрет. Понимаете, если у вас неприятность, то вы ведь через какое-то время будете смеяться над этой неприятностью. Я это дело не откладывая и смеюсь сразу. Отсюда и 80 лет.

Беседу вел
Эдуард ГРАФОВ

Фото ИТАР-ТАСС

